

18+

ДМИТРИЙ БЕЛЬСКИЙ
MAGNIFICENCE

ПРОКСИМА

Дмитрий Бельский

Проксима

<https://litres.ru/74225864>

ISBN 9785007041256

Аннотация

«Проксима» — первая часть супергеройской вселенной Magnificence. Это история появления Кристины Каниной, девушки, которой личная трагедия не оставила выбора. Чтобы осуществить месть, ей предстоит вступить в союз с загадочным героем Клэвэром и выйти против преступного мира.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

1	5
2	17
3	30
4	43
5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Проксима

Дмитрий Бельский

© Дмитрий Бельский, 2026

ISBN 978-5-0070-4125-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Москва-Сити. Башня «Меркурий» Апрель 2025

В тесной служебной кладовке на одном из верхних этажей небоскреба пряталась высокая девушка в форме горничной.

Кладовка была узкой, душной и до нелепого неподходящей для того, чтобы в ней скрывался один из лучших оперативников ДАГЕТ. Здесь пахло бытовой химией, пылью, влажными тряпками и тем самым дешевым освежителем воздуха, который почему-то всегда пытался изображать альпийский луг, хотя на деле напоминал похоронный венок, забытый в сауне.

Девушка стояла почти неподвижно, прижавшись спиной к холодной металлической стене. Ее волосы цвета жидкой нефти были собраны в строгий, безупречный пучок. Ни одна прядь не выбивалась наружу, будто даже волосы понимали: сейчас не время проявлять характер. Ярко-зеленые, почти изумрудные глаза резко блестели в полумраке. В ее лице странным, но красивым образом сочетались славянская мягкость скул и восточная утонченность черт — результат сложной генетической мозаики, которую природа собрала явно в хорошем настроении, а потом, видимо, испугалась собственного таланта.

Обычно от Мелиссы Каниной исходила опасная, почти хищная аура женщины, привыкшей ходить по лезвию ножа и еще успевать поправлять макияж. Но сейчас она сама чувствовала себя добычей. Загнанной, окруженной, вынужденной считать каждый вдох.

Она осторожно коснулась спрятанного в ухе передатчика.
— Мелисса! Это Параноик. Ответь, черт возьми! — голос напарника звучал напряженно, почти на грани паники. — Ради всего святого, скажи хоть что-нибудь!

— На связи, — едва слышно прошептала она.

Каждое слово давалось с трудом. Малейший шум сейчас мог стать последним, а умирать из-за слишком громкого шепота было бы настолько глупо, что даже смерть, наверное, испытала бы неловкость.

— Мелисса, ты должна была выйти на связь еще пять минут назад! Какова обстановка? Что там вообще происходит?

Она прикрыла глаза, прислушиваясь к шагам за стеной. Где-то снаружи переговаривались охранники. Глухо, спокойно, уверенно. Так говорят люди, которые еще не поняли, что вечер собирается испортиться всем участникам без исключения.

— Критическая, — ответила она. — Серов явно подозревает о нашем присутствии. Он поднял по тревоге всю охрану. Повсюду наемники, вооруженные до зубов. Ситуация вышла из-под контроля.

— Что он сейчас делает?

— Спокойно играет в покер и обсуждает дальнейшие поставки оружия и развитие наркобизнеса с главарем банды 2ТО1. Я оставила в зале «жучок». Сейчас передам аудиозапись. Принимай...

Она быстро нажала нужную комбинацию на миниатюрном передатчике.

— Принял, — сказал Параноик. — Будь предельно осторожна. Не попадайся им на глаза. Неудачи быть не должно.

Мелисса криво усмехнулась. В темноте ее улыбка выглядела усталой и злой.

— Не попадаться? Минуту назад я лично подносила им вино на серебряном подносе.

— Если это была метафора, то я ее не понял.

— Мне пришлось вырубить одну из настоящих горничных и переодеться в ее форму. Даже не спрашивай, куда я дела ее тело.

— Ты наш лучший агент. Я уверен, что ты знаешь, что делаешь.

— Как мило. Всегда приятно слышать это за пять минут до возможной смерти.

Параноик проигнорировал ее тон.

— Отряд специального назначения уже полностью окружил здание. Как только Серов закончит разговор с Реймсом, начинаем штурм.

Мелисса повернула голову к двери. За ней снова прошли люди. Один из охранников коротко рассмеялся. Смех был

чужой, тяжелый, слишком спокойный для места, где вот-вот должен был начаться ад.

— Чует моя задница, что сегодня без реки крови не обойдется...

— Сколько наемников ты насчитала? Чем они вооружены?

— Минимум пятнадцать. У всех штурмовые винтовки производства Sulderscorp. Точную модель определить не удалось...

Она внезапно тихо, почти беззвучно усмехнулась.

— Что тут смешного, Мелисса? — резко спросил Параноик. — Пятнадцать наемников — это совсем не смешно. У нас всего шесть бойцов.

— Я тут подслушиваю их разговор. Кажется, Реймсу повезло, у него карэ. Такое редко случается. Да и вообще... даже один наш человек способен уделать дюжину. Они же не проходили обучение у лучшего инструктора.

— У кого?

— У меня.

— Следи не за картами, а за тем, следят ли за тобой, — сухо ответил он. — И да, наш отряд — это не «Орхидея Каттлея». Там нет твоих людей.

Мелисса опустила взгляд. На секунду в ее лице появилось что-то темное, почти болезненное. Не страх. Скорее сожаление, которое слишком долго носили внутри и однажды устали прятать.

— Ну конечно, не «Орхидея»... — тихо проговорила она.
— Ты еще многого не знаешь, Сергей. К тому же ты сам сказал, что я лучшая.

Она замолчала. В кладовке снова стало слышно только ее дыхание и далекое гудение небоскреба — огромное здание жило своей стальной жизнью, будто ему было плевать, сколько людей умрет на его верхних этажах.

Потом Мелисса заговорила совсем другим голосом. Тяжелым. Почти прощальным.

— И да, Сергей...

— Что? Говори быстрее, у тебя максимум десять секунд.

— Я заранее прошу у тебя прощения за то, что сегодня произойдет. Поверь, так надо...

Голос дрогнул. На одно короткое мгновение Мелисса Канина перестала быть агентом, бойцом, легендой ДАГЕТ. Она стала просто женщиной, которая знала больше остальных и уже не могла свернуть назад.

— Передай Кристине, что я ее очень люблю. И присмотри за ней.

Слова прозвучали так трагично и окончательно, что даже по связи будто повеяло холодом. Но Параноик, как и многие люди, столкнувшиеся с чем-то по-настоящему страшным, выбрал самый удобный вариант — не верить.

— Извини, не понял. Что значит «передай»? — саркастично переспросил он. — Мелисса, что за херня?

Но она уже отключила гарнитуру.

В это же время в просторном зале на самом верхнем этаже башни «Меркурий» Виктор Серов и Реймс, глава одной из самых влиятельных криминальных группировок 2ТО1, вели неспешную, но крайне важную беседу.

Зал выглядел так, словно дизайнеры дали безлимитный бюджет, полное отсутствие совести и приказ сделать «дорого, чтобы всем было больно». Огромные окна от пола до потолка открывали вид на ночную Москву. Город внизу сиял холодными огнями, отражался в стекле, дробился на тысячи бликов и казался чем-то далеким, почти игрушечным. Там, внизу, жили люди. Здесь, наверху, люди обычно решали, кому из них завтра не повезет.

За спинами Серова и Реймса, словно статуи, застыли вооруженные люди с обеих сторон. Ни один не улыбался. Ни один не расслаблялся. Воздух был плотным от дыма, дорогого алкоголя, напряжения и денег, которые никогда не пахли кровью только в рекламе банков.

Виктор Серов был brutальным, авторитетным мужчиной лет сорока пяти. Безупречный черный костюм сидел на нем идеально, серый галстук был затянут ровно настолько, чтобы выглядеть элегантно, но не по-офисному. Небольшая аккуратная бородка в стиле эспаньолки и толстая кубинская сигара в зубах придавали ему вид человека, который мог бы стать королем преступного мира, если бы преступный мир проводил выборы. Впрочем, он бы, скорее всего, просто купил избирательную комиссию и пристрелил конкурентов.

Реймс выглядел не менее внушительно. Высокий чернокожий латиноамериканец с полностью выбритой головой, три массивных золотых кольца на пальцах и темно-красными акцентами на черном костюме. В его образе была мрачная элегантность — такая, за которой обычно прячутся люди, способные спокойно обсуждать убийства между двумя глотками виски.

— Господин Серов, — начал Реймс с заметным акцентом, медленно перебирая карты, — с каждым месяцем вы поднимаете цены на оружие. Однако мои люди все чаще жалуются, что качество не соответствует стоимости. Вы обещали поставлять продукцию обанкротившейся корпорации Sulderscorp, а вместо этого подсовываете откровенный брак. Если так будет продолжаться, я буду вынужден отказаться от дальнейших закупок.

Серов медленно выпустил густое облако дыма. Несколько секунд он молчал, наблюдая, как дым расплзается над столом, словно маленькое серое привидение с никотиновой зависимостью.

— Я понимаю ваше недовольство, мистер Реймс, — наконец произнес он. — И обещаю лично проследить за качеством. Однако сейчас у нас возникла проблема посерьезнее...

Он не успел закончить.

К Серову почти бегом подлетел его помощник Томи — крепкий молодой славянин тридцати с небольшим лет, с ко-

роткой стрижкой и гладко выбритым лицом. В его взгляде мелькала та особая паника, которую подчиненные пытаются замаскировать перед начальством и почти всегда делают только хуже.

— Босс, здесь федералы! — выпалил он. — Здание начали эвакуировать. У нас максимум пять минут, чтобы скрыться.

Нельзя сказать, что эта новость поразила Серова. Он даже не дернулся. Возможно, он давно ждал чего-то подобного — холодно, почти равнодушно, как человек, который заранее подготовил запасной выход, запасной пистолет и запасную совесть, чтобы потерять ее еще раз.

Мелисса, уже вернувшаяся в зал в образе горничной и стоявшая в нескольких метрах от них, мысленно улыбнулась.

Все шло по плану.

Именно это в подобных ситуациях чаще всего означало, что план скоро начнет гореть, кричать и просить пристрелить его из милосердия.

Серов выдохнул дым и резко поднялся.

— По-другому и быть не могло. Томи, готовь вертолет. Через две минуты мы должны быть на крыше. Проводи наших гостей.

Мелисса быстро отошла в сторону кухни, стараясь двигаться так, как должна двигаться обычная горничная: незаметно, покорно, будто ее существование заканчивалось на краю серебряного подноса. Но внутри у нее все сжалось.

Вертолет. Вот оно.

Она едва скрылась за дверным проемом, как снова включила связь.

— Проклятье... Параноик, ты меня слышишь? У них на крыше вертолет! Повторяю — на крыше вертолет!

— Мелисса, немедленно уходи оттуда! — жестко ответил напарник. — Дальше отряд сам разберется.

Но было уже поздно.

Серов заметил ее движение.

Все произошло почти мгновенно. В его руке появился пистолет — так быстро, будто оружие всегда было частью его тела, просто до этого притворялось отсутствующим. Четыре сухих, приглушенных выстрела разорвали воздух.

Пули вошли Мелиссе в спину.

Удар был страшным. Не киношным, не красивым, не героическим. Ее тело дернулось вперед, дыхание оборвалось, а белоснежная униформа горничной почти сразу начала пропитываться горячей кровью. Мелисса рухнула лицом вниз на полированный мраморный пол. Мрамор оказался холодным. Последнее, что она почувствовала, — этот холод и собственную кровь, слишком живую для умирающего тела.

— Босс, вы что?! — опешил Томи. — Зачем убивать горничную? У нас и так проблем выше крыши.

Серов медленно подошел к лежащему телу. Он не спешил. В этом была вся его мерзкая уверенность: даже смерть рядом с ним должна была подождать, пока он сделает эффектную

паузу.

Носком дорогого ботинка он перевернул Мелиссу на спину и холодно усмехнулся.

— Это не горничная.

Он внимательно взгляделся в знакомые черты лица.

— Мелисса Канина. Одна из лучших оперативниц ДА-ГЕТ. Чертовски хороша...

Серов заметил в ушах Мелиссы необычные серьги. Наклонился и резким движением вырвал. Внутри блеснула миниатюрная гарнитура.

— Мелисса! Что там за выстрелы?! — отчаянно кричал Параноик по связи. — Выбирайся оттуда немедленно! Отвечь!

Серов поднес гарнитуру ближе к губам.

— Мелисса? — с сарказмом повторил он. — Значит, я не ошибся.

У Сергея Параноика внутри все похолодело. Страх и ярость смешались в нем в гремучий коктейль, вытеснив последние остатки спокойствия. Он слишком хорошо понимал, что означала эта чужая интонация. Слишком хорошо — и все равно отказывался верить.

— Серов... — прорычал он в микрофон. — Не смей к ней даже прикасаться!

— Да я и не собираюсь, — рассмеялся Виктор. — Зачем мне мертвая? Забирайте свой труп. Красивая была женщина, жаль. Мир потерял настоящее произведение искусства.

Он бросил garniturу на пол и с силой раздавил ее каблук-ком.

Хруст пластика прозвучал почти неприлично громко.

В наушниках Параноика связь оборвалась.

Несколько секунд он молчал. Потом в его голосе не осталось ничего человеческого, кроме боли.

— Группа «Альфа», это Параноик! Начинайте штурм, мать вашу!

Штурм начался мгновенно.

Роскошные залы башни «Меркурий» разорвали крики, выстрелы и звон разбитого стекла. Там, где секунду назад стояли дорогие бокалы, теперь летели осколки. Мрамор, полированный до зеркального блеска, принимал на себя кровь с тем же равнодушием, с каким принимал дорогую обувь. Сигарный дым смешался с пороховой гарью. Деньги, власть, криминальные договоренности — все это внезапно стало таким же хрупким, как карточный домик, если по нему ударить автоматной очередью.

А на крыше небоскреба, под холодным ветром, Виктор Серов и Реймс уже садились в вертолет.

Внизу раскинулся ночной, сияющий огнями Москва-Сити. Башни уходили в темноту, отражая друг друга в стекле и металле, будто город сам не мог решить, реальный он или просто дорогая галлюцинация.

— Взлетаем! — рявкнул Серов пилоту, даже не успев толком сесть.

Лопасты начали раскручиваться быстрее, разрезая воздух тяжелыми ударами. Ветер бил по одежде, бросал в лицо мелкую пыль и ледяные капли ночной влаги. Где-то ниже продолжался бой.

Реймс пристегнулся и посмотрел на Серова с плохо скрытым сомнением.

— Вы уверены, что это поможет нам оторваться?

Серов усмехнулся, словно вопрос был почти оскорбительным.

— Абсолютно. Эта птичка невидима для радаров ФБР и ДАГЕТ...

Москва, МГУ

В конце длинного коридора главного здания МГУ, на широком подоконнике, залитом мягким апрельским светом, сидела одинокая молодая девушка.

С первого взгляда становилось ясно: она — настоящая королева черного. Черная кожаная куртка, черные брюки, черные наушники, черный портфель, черные, как смола, волосы. Казалось, весь мир для нее давно выцвел до одного-единственного оттенка — то ли из-за глубокого пессимизма, то ли потому, что в черном ей было спокойнее дышать. И только ярко-зеленые, почти изумрудные глаза резко выделялись на этом темном фоне, словно два живых огонька в ночи.

Ее звали Кристина Канина.

Природа щедро одарила ее высоким ростом — сто семьдесят пять сантиметров, что уже само по себе притягивало взгляды. Худенькое, но атлетически сложенное тело говорило о том, что по вечерам она не просто сидела в комнате с мрачной музыкой и ненавистью к человечеству, а вполне серьезно выкладывалась в зале. Ей было всего двадцать лет, но в этой девушке явно таилось гораздо больше, чем можно было предположить по ее внешнему виду.

Кристина сидела на подоконнике так, будто коридор принадлежал ей по праву рождения, а все остальные просто временно арендовали пространство для своих бессмысленных студенческих перемещений. В наушниках глухо бился трек — тяжелый, нервный, идеально подходящий для утра, когда жизнь еще не успела окончательно разочаровать, но уже активно старалась.

Она достала телефон, быстро сменила песню и бросила последний взгляд в окно на весенний университетский двор. На улице шумели студенты, кто-то смеялся, кто-то спешил на пары, кто-то уже мысленно умер на предстоящем семинаре и просто нес тело по инерции. Обычный день. Обычный МГУ. Обычный мир, который пока еще делал вид, что ничего страшного не происходит.

Кристина прыгнула с подоконника, перекинула портфель через плечо и пошла дальше по коридору.

Студенты расступались перед ней и провожали странными взглядами. Еще бы. Со стороны она выглядела как классическая эмо-девушка из нулевых, случайно выжившая после вымирания субкультур и теперь мстящая миру за узкие джинсы, черную подводку и старые плейлисты. Но стоило заглянуть в эти зеленые глаза, и сразу становилось понятно: перед тобой совсем не то, чем кажется.

За поворотом Кристина увидела привычную, до тошноты банальную картину: старшекурсник прижимал к стене первокурсника и что-то угрожающе шипел ему в лицо.

Такое случается почти в любом вузе. Где-то дедовщина принимает форму шуток, где-то — презрительных взглядов, а где-то — вот такого жалкого спектакля, где один недоальфа-самец пытается доказать вселенной, что у него есть власть хотя бы над человеком, который ниже ростом и боится опоздать на лекцию.

Кристина никогда не проходила мимо.

Она остановилась, сняла один наушник и громко окликнула обидчика:

— Эй, два метра безобразия. К слабым пристаешь? Проблем захотел? Знаешь, что я делаю с такими, как ты?

Голос у нее был звонкий, яркий, почти как у сирены: к нему быстро привыкаешь, но забыть его невозможно. В коридоре стало тише. Несколько студентов замедлили шаг. Кто-то уже достал телефон, потому что в 2025 году любой конфликт сначала становился контентом, а потом уже проблемой.

Старшекурсник медленно повернул голову. Крупный, накачанный, с лицом человека, который слишком часто принимал собственные мышцы за личность.

— Не твоё дело, — огрызнулся он. — Иди куда шла, неформалка.

Кристина чуть наклонила голову, будто прислушалась не к словам, а к уровню его глупости.

— Канина, я что, непонятно выразился? — заорал старшекурсник, привлекая ещё больше внимания. — Вон отсю-

да! Ты что, стерва, русского языка не понимаешь? На японском объяснить?

Кристина медленно повернула голову и посмотрела на него так, словно хищник выбирал момент для смертельного броска. В ее глазах вспыхнула ярость — резкая, холодная, почти физически ощутимая.

На секунду коридор замер.

Потом Кристина едва заметно улыбнулась.

И резко, без предупреждения, ударила его кулаком прямо в нос.

Удар вышел коротким, точным и пугающе спокойным. Парень с глухим стуком врезался спиной в стену, нелепо взмахнул руками и осел на пол, оставив на белой штукатурке яркий кровавый след. Вокруг кто-то охнул. Кто-то нервно хихикнул. Телефоны поднялись выше.

Кристина опустила руку и посмотрела на него сверху вниз.

— Кажется, это ты меня не понял, блядина, — спокойно произнесла она. — Если я еще хоть раз такое увижу, я тебе не только нос сломаю... В твоём теле двести шесть костей. Поверь, я каждую пощечочу.

— Вообще-то нос — это хрящ, а не кость, — робко вставил ботаник, за которого она заступилась.

Кристина медленно повернулась к нему. Первокурсник тут же пожалел, что родился любознательным.

— Ой, а ты вообще лучше помолчи, — недовольно фыркнул.

нула она. — Если ты не заметил, очкарик, я тебе лицо сохранила.

Угрозы звучали так убедительно и злобно, что в них безоговорочно верилось. Кровь из носа старшекурсника хлестала ручьем, и Кристина, вздохнув, достала из портфеля пачку салфеток. Несколько секунд она смотрела на парня так, будто внутренне спорила, заслужил ли он помощь или его лучше оставить на полу в качестве учебного пособия по анатомии высокомерия.

Потом все-таки сунула ему салфетки.

— Это тебе урок. Впредь не повышай голос на девчонок... и не приставай к слабым. Думаешь, раз ты большой и накачанный, тебе все можно? Тебя на глазах у всего университета уложила худенькая девчонка. Теперь ты посмешище на весь МГУ.

Спасенный первокурсник не сказал ни слова. Просто схватил вещи и рванул прочь по коридору. Видимо, опаздывал на пару, а для ботаника-первокурсника опоздание было почти смертным грехом. Быть спасенным от избиения — неприятно, но получить минус за посещаемость — вот где настоящая трагедия.

Кристина проводила его взглядом и нахмурилась.

— Хм... ну что за народ пошел? Даже спасибо не сказал.

Она снова посмотрела на лежащего обидчика.

— А ты чего разлегся? Это всего лишь кровь, до свадьбы заживет. Хотя какая дура возьмет такого отморозка в му-

жья...

— Ты за это заплатишь! — прохрипел он, поднимаясь и направляясь в сторону уборной.

— Не сомневаюсь. Просто пришли мне чек за лечение носа — заплачу до последней копейки, — саркастично бросила она ему вслед.

Окружающие начали расходиться. Кто-то шептался. Кто-то уже наверняка отправлял видео в общий чат с подписью вроде: «Канина опять кого-то сломала». Кристина надела наушник обратно, но музыку включить не успела, зазвонил телефон.

Кристина достала смартфон, увидела имя на экране и ответила:

— Алло, Кристина, узнала? — раздался знакомый, но непривычно тяжелый голос.

Она сразу напряглась.

— А разве я должна была забыть? У меня же твой номер записан, Параноик. Неужели паранойя наконец тебя настигла? Почему у тебя такой голос? Что случилось?

На другом конце связи повисла короткая пауза. Такая пауза всегда плохой знак. Хорошие новости люди не выдыхают так, будто перед ними лежит труп.

— У меня очень плохие новости, — сказал Сергей. — Это не телефонный разговор. Срочно приезжай домой. Я буду у вас через час.

Кристина медленно перестала улыбаться.

— Но у меня скоро пара... Хотя, если вспомнить, сколько я уже прогуляла, ничего страшного. На сессии откуплюсь. Как-нибудь.

— Это важнее учебы, поверь мне.

— А что вообще происходит? Мне не нравится твой тон.

— Узнаешь, Кристина. Расскажу все через час.

Параноик сбросил звонок.

Кристина осталась стоять посреди коридора, чувствуя, как внутри все холодеет. Только что мир был привычно раздражающим, шумным, предсказуемым. А теперь в нем появилась невидимая трещина. И из этой трещины веяло чем-то плохим.

— Что-то мне это совсем не нравится... — прошептала она. — Блин, плохое предчувствие.

Не раздумывая, девушка ускорила шаг и почти побежала, расталкивая студентов. Ее черный портфель бился о бедро, подошвы глухо стучали по полу, а в голове крутились одни и те же вопросы. Что случилось? Почему он не сказал прямо? Почему именно домой?

По дороге она случайно задела сумкой парня, который нес стопку книг. Все полетело на пол: учебники, тетради, распечатки, какая-то толстая папка с закладками. Парень остановился так резко, будто его только что ограбила сама судьба.

Кристина замерла.

— Ой, извините, пожалуйста! Сегодня я явно встала не с той ноги. Давайте я вам помогу собрать, — искренне пред-

ложила она.

Она присела рядом и начала поднимать книги. Парень тоже наклонился, но вместо того, чтобы смотреть на разбросанные конспекты, почему-то смотрел на нее.

— Да ничего страшного, — улыбнулся он. — Ты, наверное, очень торопишься?

— Вы правы. Я тороплюсь, даже не зная, что меня ждет.

— Давай на «ты». После такого случая ты просто обязана со мной познакомиться.

Кристина подняла на него глаза. Высокий, стройный, с приятными чертами лица и спокойным взглядом. В нем было что-то странно располагающее — не навязчивое, не липкое, а мягкое. Он не пытался казаться круче, чем был. Для МГУ это почти сверхспособность.

— Кристина, — сказала она. — Хотя все обычно называют меня «ходячей мумией в черных тряпках».

Парень тихо рассмеялся.

— Хах, забавно. А я Дима. Но все зовут меня просто Бельский. Приятно познакомиться.

— Взаимно, — ответила она с легкой, красивой улыбкой.

Он на мгновение замолчал, будто эта улыбка сбила ему настройки.

— У тебя очень красивая улыбка. Для мумии в черных тряпках это вообще редкость.

Кристина фыркнула, но без злости.

— Спасибо. Но я далеко не самый улыбчивый человек на

свете.

— А зря. Улыбайся почаще — тебе это очень идет.

— От этого жизнь ярче не станет. Если я и улыбаюсь, то только когда внутри полный бардак.

— Хах, вынужден тебя огорчить, но ты ошибаешься.

Они быстро собрали книги, встали — и на несколько секунд оба словно зависли в неловкой паузе. Разговор должен был закончиться. По всем законам нормального человеческого общения они уже обменялись именами, взаимными любезностями и могли разойтись. Но никто из них почему-то не хотел ставить точку.

Кристина первой отвела взгляд.

— Ну вот и все. Еще раз прости. Я бы с удовольствием продолжила этот разговор с интересным человеком за чашкой чая в кафе через дорогу, но мне правда нужно бежать.

— Тогда в следующий раз, — сказал Дима. — Удачи, Кристина. И дорогу переходи только на зеленый.

— Спасибо за совет. Он действительно полезный.

Она уже сделала шаг, но Дима вдруг добавил:

— Кстати... а когда будет этот «следующий раз», чтобы я мог пригласить такую очаровашку в кафе?

Кристина остановилась, обернулась и посмотрела на него с легкой, чуть насмешливой улыбкой.

— Ой, спасибо, конечно, очень мило. Но, честно говоря, я не любительница таких нежностей. А насчет встречи... тут все зависит от тебя. Чем быстрее найдешь, тем быстрее уви-

димся. Пока.

Она побежала дальше, а Дима остался стоять с книгами в руках, глядя ей вслед.

Диме был двадцать один год. Высокий, стройный шатен ростом сто восемьдесят три сантиметра. Он жил один в центре Москвы, приехал из Краснодара из вполне приличной семьи и учился на четвертом курсе юрфака. Вел обычную студенческую жизнь: лекции, зачеты, конспекты, бессонные ночи, попытки выглядеть человеком после трех часов сна и кофе, который по вкусу напоминал юридически допустимую пытку.

Никто даже не подозревал, что под этой спокойной студенческой оболочкой скрывается Клэвэр — первый настоящий герой в маске, народный мститель, о котором в Москве заговорили всего пару недель назад.

Пока одни студенты обсуждали сессии, стажировки и цены в столовых, другие шептались о таинственном парне, который по ночам вмешивался там, где полиция обычно появлялась слишком поздно. В интернете его уже успели назвать и героем, и психом, и опасным самосудником. Москва любила ярлыки почти так же сильно, как пробки и внезапные ремонты плитки.

Но Дима Бельский стоял посреди коридора с книгами в руках и думал не о маске, не о новостях и не о ночных вылазках.

Он думал о девушке в черном, которая улыбалась так, буд-

то заранее знала: жизнь все равно ударит, но она успеет ударить первой.

Спустя час

Кристина в легкой панике влетела в свою квартиру.

Дверь была уже открыта. Внутри ее ждал Сергей Параноик. Сорокалетний, высокий, с аккуратной бородкой, в неизменном пальто — он всегда выглядел как человек, который знает больше, чем говорит, и молчит так профессионально, будто за это получает надбавку к зарплате. Настоящий правительственный агент. Давний напарник ее матери. Один из немногих взрослых, кому Кристина действительно доверяла.

Она бросилась к нему и крепко обняла, как самого близкого человека.

— Привет, рада тебя видеть, шизоид, — улыбнулась она. Но улыбка тут же померкла.

Параноик не улыбнулся в ответ. Его лицо было каменным, опустошенным. Таким Кристина его еще не видела. Обычно Сергей мог выглядеть усталым, раздраженным, подозрительным, даже пугающе спокойным. Но сейчас перед ней стоял человек, которого что-то сломало изнутри, причем настолько аккуратно, что внешне он все еще держался на ногах.

— Здравствуй, Кристина, — тихо сказал он. — Извини, но сейчас не до шуток... Присядь. Новость тяжелая.

Она молча бросила портфель на диван и медленно опу-

стилась на край, не отрывая взгляда от его глаз.

В квартире вдруг стало слишком тихо. Даже город за окнами будто отступил куда-то далеко. Кристина почувствовала, как у нее холодеют пальцы.

— Даже не знаю, с чего начать... — Сергей провел ладонью по лицу. — Меня всю жизнь учили не поддаваться эмоциям, но сейчас... моя душа просто утопает в слезах.

Кристина попыталась усмехнуться. Получилось плохо.

— Давай метафорами. Я пойму. Я же не дура, у меня IQ 130. Хотя мои шутки, конечно, полностью опровергают это утверждение.

Параноик взял стакан воды, сделал глоток и тяжело выдохнул. На секунду он отвернулся, будто собирался с силами. Но сил не становилось больше. Просто некоторые слова невозможно не сказать.

— Чем дольше я тяну, тем сложнее... Короче, Кристина...

Его голос сорвался. По щекам медленно поползли едва заметные слезы.

— Твоя мать мертва. И это полностью моя вина. Я не смог ее уберечь... Прости меня.

Мир вокруг Кристины замер.

Не рухнул. Не взорвался. Не исчез. Просто остановился — так резко, будто кто-то выдернул из реальности провод.

Она мгновенно превратилась в статую. Живая, резкая, язвительная девушка исчезла. Осталась только шокированная оболочка с широко раскрытыми глазами и лицом, на кото-

ром боль еще не успела стать выражением.

— Нет... — прошептала она.

Сергей молчал.

— Нет! Нет! Нет! Это шутка, да?! Скажи, что ты шутишь, блядь! — голос сорвался на крик. — Умоляю, Параноик, скажи, что это твоя дурацкая шутка, твою мать!

— Я бы никогда так не пошутил... Прости.

Эти слова добили ее сильнее, чем крик. Потому что в них не было ни сомнения, ни надежды, ни спасительной лазейки. Только факт. Голый, мерзкий, окончательный.

Параноик медленно обнял дрожащую Кристину.

Сначала она не ответила на объятие. Просто стояла, будто не понимала, как работает тело. Потом вцепилась в него обеими руками — отчаянно, почти болезненно, как ребенок, который вдруг понял, что мир умеет отнимать самое важное и даже не извиняться.

За одно мгновение по ее щекам пролилось больше слез, чем за всю предыдущую жизнь. Она тряслась, захлебываясь болью, теряя дыхание, слова и остатки контроля. Внутри что-то рвалось, ломалось, сыпалось в черную пустоту.

А потом сил просто не осталось.

Кристина обмякла и потеряла сознание в его объятиях.

Бледная, как полотно, Кристина медленно открыла глаза.

Первое, что она почувствовала, — неприятную слабость во всем теле. Второе — запах. Резкий, стерильный, больничный запах, в котором смешались антисептик, холодный пластик, выстиранное белье и тревожная чистота мест, где люди слишком часто узнают плохие новости. Потолок над ней был белым. Стены тоже. Даже свет казался белым — не мягким, не теплым, а выцветшим, будто кто-то специально выкрутил из мира все краски.

Кристина лежала в больничной палате.

Прошло уже четыре часа с тех пор, как она потеряла сознание, не выдержав шквала эмоций.

С трудом повернув голову, девушка осмотрелась. Рядом, на неудобном стуле, сидел Сергей Параноик. Он выглядел так, будто за эти четыре часа постарел лет на десять. Пальто было снято и висело на спинке стула, рубашка помялась, борода потеряла привычную аккуратность. Но хуже всего были глаза. Усталые, красные, почти пустые.

— Слава богу, проснулась, — осторожно произнес он и мягко коснулся ее руки. — Как себя чувствуешь?

Кристина несколько секунд смотрела на него, пытаясь понять, где она и почему реальность такая неприятно ватная.

— Голова кружится... Что случилось? Где я? — слабым

голосом спросила она. Потом медленно повела взглядом по палате. — Похоже на морг... по крайней мере, именно таким я его себе всегда представляла.

Сергей выдохнул почти беззвучно. То ли хотел улыбнуться, то ли просто не знал, куда деть лицо.

— Ты потеряла сознание. Я вызвал скорую. Знаю, ты никогда не была в таком месте, но это больница.

— А-а-а, черт... Действительно, никогда не была.

Кристина попыталась приподняться, но голова тут же неприятно поплыла. Она поморщилась, почесала затылок — и вдруг замерла.

Память вернулась не постепенно, а сразу. Как удар.

Слова Параноика, сказанные несколько часов назад, вонзились в сознание острой пулей. Твоя мать мертва. Я не смог ее уберечь. Прости меня.

Кристина перестала дышать.

— Так это правда? — голос стал тихим, почти детским.
— Ее... больше нет?

Сергей на секунду отвел взгляд. Он мог смотреть в лицо преступникам, начальству, смерти, собственным ошибкам. Но смотреть сейчас в глаза дочери погибшей напарницы оказалось почти невыносимо.

В голове у него не было ничего, кроме горькой правды.

— Мне очень жаль...

Кристина изо всех сил попыталась сдержать слезы. Сжала зубы, моргнула, отвернулась к окну. Но слезы все равно

предательски блеснули на ресницах. Тело еще было слабым, а боль уже вернулась в полной силе, будто терпеливо ждала у двери палаты и теперь наконец получила разрешение войти.

— Как это произошло?! — резко спросила она. — Кто в этом виноват? Серов, сука, да?

Сергей удивленно поднял брови.

— Откуда ты про него знаешь?

Кристина повернула к нему лицо. Бледное, осунувшееся, но взгляд уже снова начал гореть — не жизнью, а яростью.

— Мама всегда делилась со мной своими делами. Позавчера она рассказала о следующем задании. Ей нужно было следить за каким-то Серовым. Видимо, очень серьезный тип. Она пообещала, что будет осторожна... — Кристина коротко, зло усмехнулась. — Но, как оказалось, не сдержала слово. В глубине души я всегда понимала, что когда-нибудь эта чертова работа ее погубит.

Она замолчала, сглотнула и уже тише спросила:

— Так как она умерла?

Параноик опустил голову. В этом движении было больше вины, чем в любых словах.

— Ей... выстрелили в спину. Предположительно, это сделал Серов.

Несколько секунд в палате стояла мертвая тишина.

Кристина смотрела на него, не моргая. Слова словно не сразу дошли до нее. Выстрелили. В спину. Не в бою лицом к лицу. Не в честной схватке. Не так, как должна была уй-

ти Мелисса Канина, если в этом мире вообще существовало хоть какое-то чувство справедливости.

Потом Кристина тихо, но с нарастающей яростью произнесла:

— Боже, как низко, блядь... В спину? — она сжала кулаки так сильно, что побелели костяшки. — Если бы она стояла к нему лицом, этот ублюдок уже кормил бы червей. И, насколько подсказывает мне моя дедукция, вы, суки, его так и не поймали, верно?

Сергей тяжело вздохнул.

— Ты права. Но мы этим занимаемся.

— Занимаетесь? — Кристина медленно повторила слово, будто пробовала его на вкус и вкус оказался отвратительным. — Отлично. Просто замечательно. Моя мать лежит в морге, а вы «занимаетесь».

— Кристина...

— Нет, не надо сейчас этого. Не надо смотреть на меня так, будто я маленькая девочка и мне нужно дать стакан воды с таблеточкой от реальности.

Она резко вытерла слезы тыльной стороной ладони.

— Серов за все заплатит. Он еще узнает, какую страшную ошибку совершил. О-о-о, дайте мне только нож и этого мерзавца...

В голосе Кристины зазвучала настоящая, животная ярость. Не театральная, не подростковая, не из серии «я всех ненавижу» под грустный плейлист. Это была ярость челове-

ка, у которого вырвали из жизни самое важное и почему-то решили, что он будет просто плакать в уголке.

— Я ему такое устрою, что он на всю жизнь запомнит, сука. Хотя поверь мне... жить этому ублюдку осталось совсем недолго.

Сергей смотрел на нее с тревогой. Он знал эту интонацию. Слышал ее у людей, которые уже перешли внутреннюю черту и теперь просто ждали удобного момента, чтобы превратить мысль в действие.

— Кристина, я обещаю, мы его поймаем. Даю тебе слово.

— Не сомневаюсь...

Она отвернулась. Ее пальцы дрожали на краю больничного одеяла.

— Так когда я смогу ее увидеть?

Параноик замер.

— Сейчас, — тихо ответил он. — Подожди, я позову доктора. Если он разрешит тебе встать, я сразу отвезу тебя в морг.

Сергей вышел и через десять секунд вернулся с мужчиной в белом халате. Доктор был средних лет, с усталым, но доброжелательным лицом. По нему было видно: за смену он уже видел достаточно чужого горя, чтобы не задавать лишних вопросов, но профессиональная привычка все равно требовала уточнить все подряд.

— Ну что, госпожа Канина, как вы себя чувствуете? Почему плачете? Ничего не болит? Голова не кружится? Тош-

ноты нет? Встать сможете?

Вопросы посыпались так быстро, будто он пытался не лечь, а провести блиц-опрос на выживание.

Кристина моргнула.

— Нет-нет, все в порядке. Мне намного лучше. Я уже могу встать?

Доктор внимательно посмотрел на нее. Потом на Сергея. Потом снова на Кристину. Видимо, что-то в ее лице подсказало ему, что удерживать эту девушку в палате силой — плохая идея, опасная для медицинского персонала и, возможно, для мебели.

— Да, если пообещаете, что больше не будете падать в обморок, — улыбнулся он.

Кристина слабо кивнула.

— Что ж, ваша взяла. Обещаю. Но если я не сдержу слово, знайте, что я очень старалась.

— Постарайтесь получше. У нас кровати заняты.

— Мотивируете как настоящий врач.

Параноик помог Кристине подняться. Она поморщилась, когда ноги коснулись пола, но почти сразу выпрямилась. Слабость еще держала ее за плечи, но упрямство оказалось сильнее. Она была дочерью Мелиссы Каниной. А значит, имела дурную привычку стоять на ногах даже тогда, когда нормальные люди давно лежали бы и тихо спорили с потолком о смысле жизни.

— Ну что ж... — Кристина сделала медленный вдох. —

Веди меня к ней.

Через несколько минут

Параноик отвел дочь своей напарницы в морг, который находился в том же здании клиники.

Коридоры здесь были еще тише. Не больнично-тихие, где за стенами кто-то разговаривает, кашляет, зовет медсестру, роняет металлический лоток или ругается с жизнью. Здесь тишина была другой. Глухой. Окончательной. Такой, в которой даже шаги звучали лишними.

Кристина шла рядом с Сергеем и чувствовала, как каждый метр дается тяжелее предыдущего. Она хотела развернуться. Хотела сбежать. Хотела проснуться. Хотела, чтобы все оказалось ошибкой, идиотской бюрократической путаницей, чьей-то чудовищной шуткой. Но впереди была дверь, и за этой дверью лежала правда.

Сергей открыл ее.

Одного взгляда на тело было достаточно, чтобы на Кристину обрушилась новая волна горя.

Мелисса Канина лежала неподвижно. Спокойная, бледная, страшно чужая в этой мертвенной чистоте. Женщина, которая всегда казалась сильнее обстоятельств, сильнее страха, сильнее боли, теперь была просто телом под холодным светом.

Кристина прислонилась к стене, закрыла ладонью половину лица и тихо заплакала.

Трудно описать, что она чувствовала в тот момент. Да и

любые слова выглядели бы слишком маленькими для такой боли. Погибла мать. Родная мать. Самый близкий, самый любимый человек на свете. Человек, который знал, когда Кристина врет, когда боится, когда делает вид, что ей все равно. Человек, который мог одним взглядом разрушить любую ее попытку казаться каменной.

Что может быть ужаснее и трагичнее?

Наверное, только осознание, что мир после этого почему-то продолжит существовать. Врачи будут пить кофе. Машины — ехать по дорогам. Люди — смеяться, ругаться, покупать хлеб и спорить в интернете о полной ерунде. А ее мамы больше нет. И вселенная даже не подавится от стыда.

— Послушай, Кристина... — тихо сказал Сергей. — Ты сильная. Ты это переживешь.

Слезы текли прямо по ее ладони. Яркие, красивые зеленые глаза превратились в два сгустка невыносимой боли и горя.

— Не представляю, как я буду жить дальше... — прошептала она. — А как же отец? Вы ему позвонили? Он в курсе?

— Да, мы сообщили. Твой отец прилетит через пару часов.

Кристина кивнула, хотя, кажется, не сразу поняла смысл сказанного. Она снова посмотрела на мать — и тут же отвела взгляд. Не потому, что не любила. Потому что любила слишком сильно.

— Я не могу здесь находиться, — сказала она глухо. —

Мне нужно побыть одной. Отвези меня домой, Сергей... пожалуйста.

— Да, Кристина. Конечно.

Через час

Кристина вернулась в свою трехкомнатную квартиру.

Еще утром это место казалось домом. Теперь оно выглядело как музей жизни, которая закончилась без предупреждения. Те же стены. Та же мебель. Тот же запах. Те же вещи на привычных местах. Но все стало чужим, будто квартиру подменили точной копией, где каждая деталь специально напоминала о том, кого больше не будет.

Кристина сняла черную кожаную куртку и бросила ее в сторону кресла, но промахнулась. Куртка упала на пол. Ей было все равно. Обычно она бы раздраженно подняла ее, потому что беспорядок бесил ее почти так же сильно, как тупые люди. Сейчас же куртка могла хоть оформить ипотеку на этом полу — Кристину это не волновало.

Медленными, тяжелыми шагами, держась за стены, она направилась в свою комнату. Каждый шаг будто проходил сквозь густую воду. Внутри было пусто и одновременно невыносимо больно — странное сочетание, похожее на черную дыру, которая зачем-то научилась плакать.

Добравшись до комнаты, Кристина прислонилась к стене и сползла на пол.

Несколько секунд она просто сидела, обхватив колени руками. Потом ее взгляд упал на журнальный столик, под которым лежал старый фотоальбом.

Кристина замерла.

Фотоальбом всегда был там. Обычная семейная вещь, которую редко открывали, но почему-то бережно хранили. Внутри — прошлое. Смешное, неловкое, живое. Такое прошлое, которое обычно достают по праздникам, чтобы посмеяться над детскими прическами, странной одеждой и лицами людей, еще не знающих, что с ними сделает жизнь.

Она протянула руку, взяла альбом и открыла первую страницу.

Фотография с мамой.

Мелисса обнимала ее за плечи. Обе улыбались. Настояще, легко, без тени будущей трагедии. Та улыбка была почти неприлично живой.

Из глаз Кристины снова потекли горькие слезы.

Она пролистала еще пару страниц. Лето. Какая-то прогулка. Мама, мама, мама. Везде мама. Живая, красивая, сильная. Еще не мертвая. Еще не воспоминание. Еще не боль, упакованная в глянцевую пленку.

Дыхание сбилось.

В приступе паники Кристина швырнула альбом в противоположную стену.

Он ударился, раскрылся и упал на пол.

В ту же секунду она осознала, что натворила. Лицо иска-

зилось от ужаса, будто она ударила не вещь, а саму память о матери.

— Нет... нет, нет, прости...

Кристина быстро подняла альбом, почти бережно прижала к груди, а потом аккуратно поставила на место. Пальцы дрожали так сильно, что страницы тихо шелестели, будто тоже плакали.

Еще через минуту она встала перед зеркалом.

Сначала Кристина просто смотрела на свое отражение и не могла поверить, что видит себя. Бледное лицо. Заплаканные глаза. Растрепанные черные волосы. Сжатые губы. Перед ней словно стоял кто-то чужой. Не Кристина Канина, не саркастичная королева черного, не девушка, которая час назад могла одним ударом уложить старшекурсника на глазах у всего МГУ.

Перед ней стоял дьявол в женском облике, только очень юный, очень сломанный и до ужаса несчастный.

Ярость пришла внезапно.

Не как мысль. Как рефлекс. Как пожар, которому наконец дали кислород.

Кристина с размаху ударила кулаком прямо в зеркало.

Стекло треснуло и осыпалось острыми осколками. Ладонь мгновенно окрасилась кровью. Мелкие куски стекла вонзились в кожу, как нож в масло. Боль была резкой, настоящей, физической — почти желанной, потому что на секунду заглушила ту, другую, с которой невозможно было ничего сде-

лать.

Но Кристина даже не поморщилась.

Она просто села на пол среди осколков и снова заплакала.

Слезы шли уже тише. Не рывками, не криком, а как будто из нее медленно вытекало все живое. Кровь капала с пальцев на пол. В разбитом зеркале отражение раскололось на десятки неправильных лиц. В каждом из них была она. И ни одно не знало, как жить дальше.

Спустя еще несколько минут, когда слезы почти иссякли, Кристина поднялась.

Она посмотрела на свое кривое отражение в разбитом зеркале и вытерла мокрые щеки окровавленными пальцами. Красные следы остались на коже, как боевой раскрас. Или как предупреждение.

Голос прозвучал тихо, но твердо. Почти шепотом. Почти клятвой.

— Ну все. Больше никаких слез.

В эту самую секунду раздался звонок в дверь.

Кристина вздрогнула. Несколько мгновений она стояла неподвижно, все еще глядя на себя в зеркало. Потом медленно повернулась, прошла в прихожую и, не раздумывая, открыла.

На пороге стоял высокий, стройный, худощавый мужчина лет сорока пяти в строгом костюме глубокого черного цвета.

Он выглядел так, будто только что сошел с самолета и держался исключительно на силе воли. Лицо усталое, осунув-

шея, глаза красные. В одной руке — дорожная сумка, в другой — телефон, который он сжимал так крепко, словно пытался не дать реальности выскользнуть из пальцев.

На секунду они просто смотрели друг на друга.

— Папа! — выдохнула Кристина и тут же бросилась ему на шею.

Мужчина крепко обнял ее, прижал к себе так, будто боялся потерять еще и дочь.

— Кристина... как же я рад тебя видеть, дочка, — тихо ответил он.

Потом его взгляд упал на ее окровавленную руку, на красные следы на лице, на дрожащие плечи.

— Почему ты вся в крови, родная?

В то же самое время

Что делает обычный студент вечером?

Гуляет, тусуется с друзьями, проводит время с девушкой, залипает в сериалы, делает вид, что готовится к семинару, а на самом деле проигрывает битву с короткими видео в телефоне.

Но только не Дима Бельский.

Ему было откровенно скучно.

Свободный вечер он проводил в классической компании старого потрепанного дивана в своей однокомнатной квартире в центре Москвы. Диван был выдавший виды: просевший, местами потертый, но невероятно верный. Он принимал Диму после пар, после ночных вылазок, после странных мыслей и после тех редких попыток начать новую жизнь, которые обычно заканчивались заказом еды и философским лежанием лицом в потолок.

Квартира у Димы была небольшая, но своя. Для студента — почти неприличная роскошь. Для героя в маске — склад проблем, одежды, бинтов, чужих историй и одного темно-зеленого костюма, который висел в шкафу и делал вид, что он просто костюм, а не причина половины бессонных ночей.

Дима лежал на диване, закинув одну руку за голову, и смотрел в экран телефона. Никаких новых сообщений от Кристины. Никаких следов. Никаких совпадений. Девушка в черном, которая днем налетела на него в коридоре МГУ, словно растворилась в воздухе. В 2025 году найти человека без соцсетей было почти так же подозрительно, как найти студента, который действительно прочитал всю рекомендованную литературу.

Обычно в такие моменты Дима с нетерпением ждал звонка от лучшего друга. И этот вечер не стал исключением: телефон ожил буквально через пару минут.

Звонил, конечно же, Павел.

— Алло, — быстро ответил Дима. — Надеюсь, у тебя действительно что-то срочное? Ты отвлекаешь меня от крайне важных дел.

— С каких это пор ублажение дивана считается важным делом? — рассмеялся Павел. — Слушай, мы в субботу хотим устроить вечеринку с ребятами с нашего курса. Ты с нами?

Дима перевернулся на бок и посмотрел на потолок с выражением человека, которому только что предложили добровольно пойти туда, где много людей, шума и обязательно веселья. То есть в ад с колонками.

— Нет, Паш, извини. Вечеринки — это совсем не мое, ты же знаешь.

— Да ладно, на что я только надеялся... — театрально вздохнул Павел. — Ты все еще занимаешься поисками той

девушки в черном? Есть успехи или продолжаешь ухаживать за своим верным диваном?

— Я ее так и не нашел в соцсетях.

— Как прискорбно. Да забудь ты о ней уже. Вокруг полно нормальных девчонок, а ему обязательно подавай эту темную эмо.

— Она не эмо, — упрямо ответил Дима. — Просто выглядит так.

— Более тупой логики я в жизни не слышал, Димон.

Дима сел, потер лицо ладонью и задумчиво посмотрел в сторону окна. За стеклом Москва медленно темнела, превращаясь из шумного города в шумный город с подсветкой.

— Слушай, у тебя есть знакомые с экономического факультета? Желательно третий курс.

— Колян Черный, помнишь такого? Я тебя с ним в клубе знакомил. Блин, были же времена... Теперь тебя хрен затащишь в клуб.

— Так он с экономического? Что ж ты молчал, мешок с костями?

— А ты спрашивал? Ты последние месяцы общаешься так, будто у тебя в жизни три темы: учеба, таинственные ночные прогулки и внезапные синяки, происхождение которых ты объясняешь «неудачной дверью».

Дима невольно усмехнулся.

— Двери бывают опасными.

— Особенно если у них ножи, кастеты и уголовное про-

шное.

— Паш.

— Ладно-ладно. Свяжись с ним, он должен помочь тебе найти твою таинственную подругу.

— Спасибо большое.

— Если найдешь ее, с тебя ящик пива.

— Хорошо, но я возьму безалкогольное.

— Тогда оставь себе.

Дима сбросил вызов и несколько секунд сидел неподвижно, глядя на экран. Потом быстро нашел номер Коли и нажал вызов.

Тот ответил не сразу. Первый звонок ушел в пустоту. Со второй попытки трубку все-таки взяли, и в динамике послышался голос человека, который либо только что проснулся, либо уже успел изрядно принять на грудь. А может, и то и другое — студенческая жизнь любит комбинировать страдания.

— Коль, привет, это Дима Бельский. Помнишь меня?

— Вау-вау, какие люди! Конечно, помню, бро! Чем могу помочь?

— Слушай, у меня пара вопросов. Есть время?

— Да, давай.

Дима на секунду задумался, как описать Кристину так, чтобы это не прозвучало слишком странно. Получилось, конечно, странно.

— На вашем факультете есть одна девушка. Высокая, ху-

дая, брюнетка, примерно второй размер. Зовут Кристина. Ты ее случайно не знаешь?

На другом конце связи наступила короткая пауза.

— Бро, ты сейчас звучишь как человек, который составляет ориентировку, но стесняется признаться, что влюбился.

— Коль.

— Ладно, понял. О, ты почти идеально описал Кристину Канину. Она учится со мной в одной группе, хотя слово «учится» тут не совсем уместно — она активно прогуливает. Кстати, сегодня она сломала нос Лешему. И правильно сделала, нечего устраивать гоп-стоп прямо в МГУ. Весь универ об этом говорит.

Дима приподнял брови. Значит, это действительно она.

— Возможно, это она. Можешь скинуть ссылку на ее страницу?

— Не могу, бро. У нее вообще нет соцсетей.

Дима молча посмотрел на телефон, будто тот лично был виноват.

— Вообще нет?

— Вообще. Она какая-то странная... Чертовски красивая, но чертовски странная. Я даже иногда боюсь к ней приближаться.

— Почему? — удивился Дима.

— У нее нет друзей, с группой она почти не общается, всегда ходит в черном с головы до ног. Постоянно в наушниках. От нее так и веет «не подходи, а то похороню». Ну и

главное — она одним ударом сломала нос Лешему. Ты можешь себе представить, чтобы такая хрупкая на вид девчонка была на такое способна?

— Да уж... удивительно, — пробормотал Дима.

И мысленно добавил: «Зато теперь я точно знаю, что если она меня когда-нибудь ударит, то сделает это быстро и без лишних разговоров».

— Если она вдруг появится в универе, я тебе напишу, ок?

— Спасибо, чувак. До связи.

Дима сбросил звонок и остался сидеть в тишине.

Кристина Канина.

Имя наконец перестало быть пустым местом и обрело вес. Дима произнес его про себя несколько раз, будто проверял, подходит ли оно девушке из коридора. И тут же поймал себя на неожиданно важной проблеме: куда ставить ударение? Кáнина или Канíна? Второй вариант звучал как фамилия женщины, которая преподает высшую математику, ненавидит опоздания и способна одним взглядом списать студента с лица земли. Первый — резче, красивее, опаснее. Кáнина. Да, именно так. Подходило. Такое имя не просит внимания — оно просто входит и забирает его.

Дима поднялся с дивана, подошел к шкафу и открыл дверцу.

Среди обычной одежды резко выделялся темно-зеленый костюм со всеми прибабасами — костюм Клэвэра. Маска, усиленные вставки, перчатки, защита, аккуратно закреплен-

ные элементы снаряжения. Все лежало и висело на своих местах, готовое к ночи, к драке, к очередной попытке доказать себе, что один человек может хоть немного изменить город, который давно научился делать вид, что ничего не видит.

На секунду у Димы мелькнула мысль надеть костюм и выйти на ночное дежурство.

Но усталость оказалась убедительнее героизма. Порой даже народному мстителю нужно не спасать мир, а просто пройти и не получить по лицу чем-нибудь тяжелым. Желательно.

Он закрыл шкаф, накинул серую куртку с капюшоном и вышел из квартиры.

Иногда человеку просто нужно побыть одному.

Дима любил такие одинокие прогулки по Москве. У него было много друзей, в университете его многие знали, теперь появилась еще и Кристина, которая каким-то образом успела занять место в мыслях, хотя они обменялись всего несколькими фразами.

Уже начинало темнеть. По улицам моросил мелкий апрельский дождь. Асфальт блестел под фонарями, машины шуршали по мокрой дороге, город отражался в лужах и витринах, словно Москва пыталась размножиться, чтобы стать еще более шумной и утомительной.

Дима шел в наушниках, но музыку почти не слушал. Мысли постоянно возвращались к Кристине. К ее улыбке. К голосу. К тому, как она бросила фразу про «найдешь — увидим-

ся» и исчезла, будто специально оставила ему квест средней сложности с элементами социальной неловкости.

И тут он стал невольным свидетелем уличного ограбления.

Все произошло быстро и грязно. Какой-то парень в капюшоне резко дернулся из тени, вырвал сумку у молодой девушки и бросился наутек. Девушка вскрикнула, на секунду растерялась, а потом почти срывающимся голосом закричала:

— Моя сумка! Помогите! Он украл мою сумку!

Обычные прохожие в таких ситуациях делятся на несколько типов. Одни замирают. Другие делают вид, что не поняли. Третьи достают телефон. Четвертые потом рассказывают, что «сразу хотели вмешаться, но не успели».

Дима не относился ни к одному из этих типов.

— Успокойтесь, я верну ее, — бросил он и сорвался с места.

Он побежал резко, без разминки, чувствуя, как тело мгновенно просыпается. Мокрый асфальт скользил под подошвами, в лицо летел холодный дождь, прохожие шарахались в стороны. Вор был быстрым, но паниковал, а паника всегда портит маршрут. Он петлял, оглядывался, едва не сбил плечом мужчину с пакетом и через сотню метров нырнул в ночной клуб, из которого наружу вырывался тяжелый бас.

Дима выругался себе под нос, но последовал за ним.

У входа стояли охранники, слишком занятые красивыми

девушками и собственным величием, чтобы заметить парня в серой куртке, который проскользнул внутрь с видом человека, которому очень надо. Возможно, им даже показалось, что он уже был в клубе. В клубах вообще легко поверить во что угодно: там свет мигает так, будто реальность постоянно теряет сознание.

Внутри гремел мощный дабстеп.

Дима чуть не врезался в толпу танцующих. Пришлось резко уйти в сторону, проскочить между двумя парнями, уклониться от чьего-то локтя и даже сделать пару танцевальных движений с подпрыгиванием, чтобы не потерять вора из виду.

«Отлично, — подумал Дима. — Народный мститель теперь еще и диджей-стажер. Просто идеально».

Вор попытался затеряться в толпе, но у него не вышло.

Дима настиг его посреди танцпола. Не дав ему развернуться, он резко ударил ногой по опорной ноге, сделал аккуратную подсечку и сбил грабителя с ног. Тот рухнул на пол, прижав к себе чужую сумку, как самое дорогое в жизни. На секунду вокруг образовался хаос: кто-то отскочил, кто-то засмеялся, кто-то возмущенно крикнул, а кто-то, разумеется, включил камеру на телефоне. Потому что если драка не попала в интернет, была ли она вообще?

Дима прижал вора к полу, вывернул руку так, чтобы тот не дергался, и наклонился к нему.

— Ну что, сволочь? Далеко собрался? Я, конечно, не про-

тив, бегай на здоровье... но сумочку-то хозяйке придется вернуть. И настоятельно рекомендую не сопротивляться, если хочешь дойти до полиции в относительно целостном виде.

Вор дернулся, но быстро понял, что свобода временно отменилась.

Наконец подроспела охрана клуба. Дима коротко все объяснил, попросил вызвать полицию и присмотреть за вором. Один из охранников хмуро посмотрел на него, потом на лежащего грабителя, потом на сумку и, кажется, решил не задавать лишних вопросов. Мудрое решение. Иногда жизнь становится проще, если не спорить с человеком, который только что устроил задержание посреди танцпола под басы.

Дима забрал сумку и вышел из клуба искать хозяйку.

Девушка стояла у входа вся в слезах. Молодая, растерянная, явно не местная — в ее взгляде читалось то самое выражение человека, который приехал в Москву «просто погулять», а город решил сразу провести бесплатный мастер-класс по выживанию.

— Барышня, не надо плакать, — мягко сказал Дима, подходя к ней. — Ваша сумка у меня. Надеюсь, в процессе погони из нее ничего не выпало.

Девушка вскинула голову. Ее грустный взгляд быстро сменился благодарным.

— Огромное спасибо... я просто в шоке. Со мной такое впервые. Приехала в Москву в гости называется.

— Москва умеет встречать гостей. Иногда хлебом-солью,

иногда криминальной экскурсионной программой.

Она нервно усмехнулась сквозь слезы и прижала сумку к груди.

— Вы так переживали, — заметил Дима. — Наверное, очень дорожите содержимым?

— Скорее самой сумкой. Вы даже не представляете, сколько я на нее копила.

— Оу... понятно. Тогда поздравляю, семейная реликвия спасена.

— Почти реликвия, — улыбнулась она уже увереннее.

— Насчет вора не волнуйтесь. Его задержали охранники, скоро приедет полиция. Можете написать заявление.

Дима кивнул ей и уже собирался уйти.

— Удачи вам.

Но девушка вдруг окликнула его:

— Стой! Как тебя зовут?

Он остановился, слегка улыбнулся и с легкой иронией ответил:

— Весь город знает, а вы нет? Видимо, совсем не следите за новостями.

Девушка замерла. Несколько секунд она смотрела на него, пытаясь разглядеть лицо под капюшоном, но свет у входа в клуб падал слишком неровно, а тень скрывала черты. Она догадалась, что перед ней стоял тот самый Клэвэр, о котором уже несколько недель говорил весь мир.

Умеют же герои появляться в нужное время в нужном ме-

сте.

Спустя час

Кристина свернулась калачиком на диване и смотрела в выключенный телевизор.

Экран был черным и пустым — почти издевательски похожим на то, что сейчас творилось внутри нее. Ни отражений, ни движения, ни звука. Просто темная прямоугольная дыра посреди гостиной, в которую можно было смотреть бесконечно и не увидеть ничего, кроме собственного разбитого лица.

Рядом, за кухонным столом, сидел отец и не отрывался от ноутбука.

Даже в такой момент — самый тяжелый для всей семьи — он работал. Пальцы тихо стучали по клавишам, экран холодно подсвечивал его уставшее лицо, а на столе стояла нетронутая чашка кофе. Кристина смотрела на него боковым зрением и чувствовала, как в груди поднимается знакомая, вязкая обида.

Как и Мелисса, он был правительственным шпионом. Только если мать хотя бы умела возвращаться домой так, будто действительно вернулась, то отец всегда оставался где-то там — на заданиях, в закрытых отчетах, в чужих странах,

в разговорах, о которых нельзя спрашивать. Именно поэтому Кристина почти не общалась с ним. Она даже не помнила, когда видела его в последний раз по-настоящему, а не как редкого гостя, случайно забредшего в их квартиру между двумя миссиями.

— До сих пор не могу поверить, что ее больше нет... — тихо произнесла она, не отрывая взгляда от черного экрана. — Когда будут похороны?

— Послезавтра, — ответил отец, не поднимая глаз от ноутбука.

Кристина медленно повернула к нему голову.

Всего одно слово. Послезавтра. Так просто. Так буднично. Будто речь шла не о похоронах матери, а о доставке мебели или записи к стоматологу.

— И после этого ты снова уедешь?

Отец замер на долю секунды. Пальцы перестали стучать по клавишам, но взгляд все еще оставался прикованным к экрану.

— Да... Понимаешь, дочка, это не от меня зависит. Нужно закончить миссию.

Кристина горько усмехнулась. Смех вышел коротким, сухим, совсем не похожим на веселье.

— Конечно. Миссия. Как же без нее.

Он наконец оторвался от ноутбука и посмотрел на нее.

Кристина села, подтянув колени к груди.

— Я никогда не одобряла, что родилась в семье шпионов.

Звучит, конечно, эффектно, почти как начало какого-нибудь дешевого сериала: «Мои родители — тайные агенты, а я просто хотела нормальную жизнь». Только в сериалах это почему-то заканчивается приключениями, а не моргом.

Отец ничего не сказал.

— Всю жизнь меня преследует одна и та же мысль: вы оба рано уйдете. Просто однажды кто-то позвонит, скажет пару официальных фраз — и все. И что мы имеем теперь? Мама мертва...

Голос дрогнул, но Кристина быстро взяла себя в руки.

— Пообещай мне, что с тобой такого не случится.

Отец медленно закрыл ноутбук. Впервые за весь разговор работа уступила место дочери.

— Обещаю.

Кристина долго смотрела на него, будто пыталась понять, можно ли верить этому слову. Потом тихо кивнула.

— Спасибо... Мне было очень важно это услышать. А когда ты вернешься?

Он отвел взгляд.

Вот именно в этот момент Кристина поняла: ответ ей не понравится.

— Пока не знаю. Надеюсь, не больше чем через полгода.

Ответ ударил, как пощечина.

Кристина резко села прямее.

— Полгода?! И как мне быть эти шесть месяцев? Я с ума сойду, пап.

— Параноик присмотрит за тобой. Да и ты уже не маленькая девочка. Сколько тебе там... двадцать?

Она сухо посмотрела на него.

— Уже скоро двадцать один.

— Ну вот, тем более. Я уверен, что ты справишься. Девушки в твоём возрасте, наоборот, только и мечтают съехать от родителей. А тут родитель сам съезжает.

Кристина медленно моргнула.

— Не самое удачное сравнение, — усмехнулась она с горечью в голосе. — Особенно с учетом того, что второй родитель уже «съехал» в морг.

Отец вздрогнул. Слова попали точно туда, куда она целилась. И Кристина тут же пожалела об этом — но гордость, боль и злость не позволили извиниться.

В комнате повисла тяжелая пауза.

— Ладно... — выдохнула она наконец. — Я постараюсь.

— Вот и умница. Знала бы ты, как я тебя люблю.

— Что значит «знала бы»? — возмутилась она, резко вскинув голову. — Я и так знаю.

Отец улыбнулся, но улыбка вышла усталой. В ней было много любви и слишком много вины.

— Кстати, давно хотел спросить... Ты себе парня нашла? Вопрос поставил Кристину в тупик.

Она несколько секунд смотрела на него так, будто он внезапно заговорил на древнем шумерском и потребовал срочный отчет о личной жизни.

С родителями она никогда такие темы не обсуждала. Да и обсуждать особо было нечего. В ее жизни имелись учеба, тренировки, музыка, черная одежда, редкие вспышки социального взаимодействия и устойчивое ощущение, что романтика — это то, что случается с другими людьми, обычно более терпеливыми и менее склонными ломать носы.

— Нет, — наконец сказала она. — И пока не нужен. Я прекрасно себя чувствую и без мужского плеча.

— Тебе двадцать, как это «не нужен»? В наше время у многих девчонок уже в школе были отношения. А у тебя никогда ничего не было. Прости, но это... ненормально.

— Пап, пожалуйста, не начинай, — Кристина уткнулась лицом в диванную подушку. — Я сейчас вообще не в том состоянии.

— Ладно, как знаешь.

Но настроение Кристины окончательно испортилось.

Сначала мать умерла. Потом отец сообщил, что снова уезжает. Теперь еще и разговор о личной жизни, словно где-то существовал невидимый список «как добить дочь за один вечер», и он методично ставил галочки.

Она больше не могла оставаться на этом диване.

Кристина резко встала, накинула свою любимую черную кожаную куртку и молча направилась к двери.

— Ты куда, Кристин? — окликнул ее отец.

— Пойду прогуляюсь. Пара минут на свежем воздухе мне не повредят.

— Да ладно тебе, могла бы сразу сказать, что идешь к своему парню.

Кристина остановилась в прихожей так резко, будто ее ударили током.

— ПАПА!

— Ладно-ладно, удачной прогулки.

— Спасибо, — мрачно и саркастично бросила она, доставая из кармана наушники.

Дверь закрылась за ней чуть громче, чем требовалось.

На улице было не холодно, а просто сыро.

После дождя пахло свежим асфальтом, мокрой пылью, весной и Москвой, которая после ливня на пару часов начинала казаться чище, чем была на самом деле. Именно такой запах Кристина любила. В нем было что-то живое, честное, почти успокаивающее. Город будто ненадолго смывал с себя усталость, грязь и чужие следы, хотя все прекрасно знали: к утру он снова станет прежним.

Кристина включила любимый плейлист и пошла вперед, не выбирая маршрут.

Она не заметила, как прошла уже пару километров. Волосы промокли насквозь, тяжелыми прядями прилипли к лицу, но ей было все равно. Черная куртка блестела от влаги. Наушники спасали от внешнего мира, но не от внутреннего, а с ним сейчас было сложнее всего.

Мысли снова и снова возвращались к матери. К моргу. К словам Параноика. К отцу за ноутбуком. К обещанию, кото-

рому хотелось верить и которому она все равно не верила до конца.

Кристина остановилась у светофора, тяжело выдохнула и вдруг поймала себя на совершенно неуместном желании.

— Господи, как же мне сейчас хочется шоколада... — пробормотала она себе под нос. — Я готова убить за плитку. Хотя, учитывая мой день, лучше формулировать желания аккуратнее.

Она потеряла переносицу.

— Какая девчонка в такой момент не любит шоколад...

Небольшой круглосуточный магазинчик оказался как раз по пути. Яркая вывеска светилась в мокром вечернем воздухе почти спасительно. В такие моменты цивилизация держалась не на законах, не на полиции и не на морали, а на возможности купить шоколад после личного конца света.

Кристина решительно вошла внутрь.

Над дверью звякнул колокольчик. В магазине пахло кофе из автомата, выпечкой, пластиком упаковок и чем-то сладким.

— Добрый вечер. Что вам угодно? — улыбнулся продавец, глядя на насквозь промокшую девушку.

Кристина сняла один наушник.

— Добрый... Можно плитку шоколада с орехами?

— Конечно, одну секунду.

Пока продавец искал товар, Кристина заметила у входа телевизор. На экране шел новостной репортаж. Репортер, стоя

на фоне мокрой московской улицы, рассказывал с тем особенным выражением лица, с каким люди сообщают одновременно о преступлении, героизме и хорошем материале для вечернего выпуска:

«Пару часов назад неизвестный грабитель вырвал сумку у молодой девушки. Но нашелся герой, который, рискуя собой, вернул ей имущество и наказал преступника. На видео видно, как парень в капюшоне эффектно задерживает грабителя прямо посреди ночного клуба... Многие уже предполагают, что это был не кто иной, как Клэвэр...»

На экране мелькнули кадры с телефона: толпа, дерганный свет, танцпол, чья-то рука, падающий парень, фигура в капюшоне. Лицо почти не различить, только движения — быстрые, точные, уверенные.

Кристина невольно улыбнулась.

Она не была яркой фанаткой Клэвэра, не клеила его символ на тетради и не вступала в фанатские чаты, где наверняка уже спорили, какой у него рост, голос и есть ли у народного мстителя личная жизнь. Но за его выходками следила с интересом. В городе, где большинство людей предпочитало не вмешиваться, парень в капюшоне почему-то вмешивался. И это уже было достойно уважения.

«Хоть кто-то сегодня сделал что-то хорошее», — подумала она.

— Вот ваш шоколад, — сказал продавец.

— А? Что?

— Ваш шоколад с орешками.

Кристина моргнула, возвращаясь в реальность.

— А... спасибо. Простите, отвлеклась на телевизор.

Она протянула тысячу рублей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.